

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ОСОЗНАНИИ ГЛОБАЛЬНОСТИ МИРА*

И.К. ЛИСЕЕВ

Окружающая человека среда (англ. – environment) отнюдь не является лишь фоном, на котором разворачивается все многообразие человеческого существования, лишь ресурсной кладовой, обеспечивающей его жизнь и т.д. Система «человек – окружающая среда» представляет собой целостное, сопряженное образование, где оба составляющих элемента – взаимозависимы, коэволюционно взаимосвязаны, едины.

Между тем в анализе направлений и путей глобализации нашего мира, как правило, аналитически выделяются факторы экономические, политические, культурные, этнические, конфессиональные и др. И значительно реже принимаются во внимание и учитываются факторы социоприродные. Но при этом важно не просто учитывать эти факторы среди других составляющих системы, а, как говорилось выше, осознавать их особую роль в целостном функционировании всей системы, их не только прагматическую, но и не-прагматическую значимость.

В этом отношении внимание психологов, в частности, давно уже привлекают идеи видного американского психолога XX в. Дж. Гибсона, построившего свою оригинальную концепцию экологического восприятия мира. В то же время экологами, а во многом и философами, занимающимися философским осмыслением экологических проблем, эти идеи еще плохо осознаны.

По сути дела, теория восприятия Дж. Гибсона – это фактически современный вариант необерклианства, где во многом актуализируются сенсуалистические трактовки обсуждаемых проблем¹. Однако для нашей темы здесь важно другое. Гибсон выдвинул парадоксальную на первый взгляд идею, что человек живет и действует не в мире, описываемом физикой, физическими категориями пространства, времени, материи и т.д., а в мире непосредственных (и опосредованных) контактов со средой своего обитания, который он назвал экологическим миром.

При этом человек и окружающая его среда взаимно связаны, взаимно влияют друг на друга и изменяют друг друга. «В отличие

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Философские основания экологического образования эпохи нанотехнологии», грант № 10-03-00282 а.

от физического мира, — пишет Гибсон, — окружающий мир животных состоит из среды, веществ и поверхностей, которые отделяют вещества от среды»². Именно с этими компонентами человек и сталкивается, осознает их и изменяет их. «Зачем человек изменил очертания и вещества своего окружения?» — задает он вопрос и тут же отвечает на него: «Для того чтобы изменились возможности, которые окружение ему предоставляет. Он сделал более доступным то, что приносило ему пользу и постарался уменьшить влияние того, что ему вредило»³. И далее: «Эти преобразования были настолько опустошительными и бездумными, что, если мы не образумимся, они станут для нас роковыми»⁴.

В этих цитатах выражена одна из основных идей Гибсона, согласно которой человек может плодотворно реализовать только ту возможность, которую предоставляет ему окружающая среда. Идея взаимозависимости живого существа и окружающего его мира, полагает Гибсон, не могла возникнуть в физике. «Такие фундаментальные понятия, как “организм” и “окружающий мир” или “вид” и “среда его обитания”, — пишет ученый, — нельзя вывести из понятий пространства, времени, материи и энергии — понятий, лежащих в основе всех физических наук»⁵.

«При подобном способе мышления, — конкретизирует он, — упускается из виду тот факт, что у такого объекта как животное, есть свое особое окружение, что живой объект погружен в окружающий мир иначе, чем физический объект погружен во множество сходных с ним объектов»⁶. И эта «особость» состоит в их взаимном воздействии. Понятие среды отличается от понятия пространства, поскольку точки пространства идентичны друг другу и лишены какой бы то ни было уникальности, среда же всегда уникальна в ее взаимодействии с тем субъектом, который находится в данной ее точке.

«Воспринимая окружающий мир, мы воспринимаем сами себя», — утверждает Гибсон⁷. «Возможности окружающего мира и образ жизни животного неразрывно связаны друг с другом. Окружающий мир накладывает ограничения на то, что животное может делать»⁸. Таким образом, принципиальным в экологическом подходе Дж. Гибсона, как отмечают С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин, — является представление о том, что «субъект» и «окружающий мир» являются взаимодополнительными и друг без друга немислимы⁹.

Этот методологический вывод из гибсоновской концепции экологического восприятия мира имеет далеко идущие последствия. Он претендует на роль методологического конструкта, определяющего формирование онтологических и познавательных установок, далеко выходящих за рамки, собственно отношений животного и среды его

обитания, ведет к новому осознанию значительно более широких систем, в частности, путей взаимодействия общества со средой своего обитания, тенденций глобализации мира.

Однако знакомство с литературой, посвященной анализу названных выше проблем, свидетельствует о том, что далеко не во всех работах по этой тематике этот вывод принимается или хотя бы учитывается. В футурологических концепциях, обсуждающих модернизационные инновации перехода общества от его индустриальной, техногенной стадии развития к формации постиндустриальной энвайронментальные составляющие вообще, как правило, не указываются. Так, Дж. Несбитт, характеризуя новую постиндустриальную цивилизационную модель, говорит о переходе от индустриального типа развития к развитию информационному, от техники – к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долговременным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии – к непосредственной, от иерархии к сетям, от альтернативного выбора – к многообразию, от Севера к Югу¹⁰.

Э. Тоффлер, выделяя черты постиндустриального общества, акцентирует увеличение разнообразия источников энергии, большую дифференцированность технологической базы с учетом достижений биологии, генетики, электроники, информатики, превращение информации в главное сырье общества, демассифицированность СМИ и ТВ, осуществление производства для потребителя, а не для рынка, уменьшение роли государства-нации, возникновение новой структуры государственных и общественных институтов по принципу сети и т. д.¹¹

Подобные примеры можно продолжить. Но нам важно не просто перечислить их, а обратить внимание на то, что, по сути дела, во всех этих многочисленных вариантах модернизации общества речь идет о социально-политических и экономических трансформациях. Обсуждаются финансовые, экономические, политические, социологические, демографические, культурологические составляющие модернизационных процессов. Об экологических же императивах, о закономерностях взаимодействия развивающегося индустриального общества и изменяемой им среды своего природного обитания речь фактически не идет. Как хорошо сказал в свое время С. Московичи, «все современные концепции общества исходят из оппозиции человека природе. Задача же состоит в утверждении и раскрытии сопряженности природных и социальных процессов»¹². Но это только один существенный недостаток современных футурологических сценариев будущего человечества.

Другой и не менее важный недостаток состоит в том, что в приводящемся перечне основных черт общества будущего отсутствует методологическая установка анализа взаимодополнительности любого исследуемого объекта и среды его обитания. А как мы ранее отмечали, эта методологическая установка претендует на универсальность, безотностельно к субстратным составляющим системы «объект – среда обитания», что существенно повышает креативность проводимого исследования.

Иная ситуация просматривается при анализе литературы, посвященной энвайронментальной экологической этике¹³.

Как своеобразная реакция на все беды неконтролируемого техногенного развития общества, в середине XX в. стала нарастать идеология биоцентризма. В ее основе – призыв к возврату доминирования ценностей жизни в противовес ценностям техники, политики, экономики. Идеи благоговения перед жизнью, в свое время заявленные А. Швейцером, получили свое развитие в многочисленных направлениях глубинной экологии, биоэтики, биополитики и т.д. Всячески приветствуя и поддерживая тенденцию увеличения биологической грамотности населения, смены акцентов на ценности жизни и мира живого, в то же время нельзя не видеть ограниченности и этого подхода, взятого изолированно от всех других. Только пройдя через увлечение и разочарование всеми названными подходами, совокупная общественная мысль ныне все более склоняется к осознанию того, что доминанты, определявшие развитие техногенной цивилизации должны быть заменены доминантами цивилизации экогенной.

В.С. Степин выделяет две основные «точки роста» нового отношения к миру, которое диктуется ситуациями современных социальных изменений. Первая из них связана с глобализацией человечества, возрастающей целостностью и взаимозависимостью отдельных стран и регионов, образующих человеческое сообщество. Перед лицом глобальных опасностей человечество ищет новые стратегии социализации человека и его воспитания в духе толерантности, уважения к достижениям различных культур. Все это постепенно формирует и вторую точку роста – утверждение в качестве основной стратегии социальной жизни идеалов ненасилия и приоритета общечеловеческих ценностей. Стратегия ненасилия, считает В.С. Степин, не благая мечта, а парадигма выживания человечества. Но ее утверждение затрагивает всю систему ценностей техногенной цивилизации, означает пересмотр идеалов силы и власти, господства над объектами, обстоятельствами, социальной средой, требует критического анализа всей новоевропейской культурной традиции¹⁴.

Таким образом, задача создания экологической этики на современном этапе в ответ на насущную потребность общества в ее существовании в условиях системного экологического кризиса оказывается весьма сложной во всех ее составляющих. Она сложна и в плане формулировки основополагающих принципов, и в плане усвоения, присвоения их человеческим сообществом. Здесь возникает некий герменевтический круг: чтобы понять, надо объяснить; чтобы объяснить, необходимо понимание. Герменевтическое же понимающее отношение к природе, казалось бы, так востребованное нашим временем, существенно отличается от традиции, восходящей к формированию действующего ныне мировоззрения.

Наконец, нельзя не отметить тот факт, что откат экологической проблематики в России с вершины рейтинга наиболее значимых для россиян проблем обусловлен современной социально-экономической ситуацией в нашей стране. Безработица, инфляция, дороговизна, снижение среднего уровня жизни, социальная незащищенность, борьба за собственное выживание любыми способами стали противоречить экологической безопасности и бережному отношению к природе. Социальная атмосфера последних лет провоцирует расширение браконьерства, стимулирует возврат к грубо потребительскому отношению к природе. При этом надо учитывать, что зачастую (особенно в российской глубинке) природа становится единственным источником существования для живущих там людей.

Осознавая все эти сложные и противоречивые тенденции в становлении экологической морали в наши дни, представляется весьма важным рассматривать все морально-нравственные ценностные установки не сами по себе, не изолированно, а в их соотношении, сопряжении, координации с другими регулятивными установками современной культуры: онтологическими, познавательными, деятельностными. Ибо аксиологические ориентации, во многом влияя на названные выше регулятивы, в то же время и значительно зависят от них в рамках единой целостной системы современной культуры. Афоризм Барри Коммонера «Все связано со всем» стал ныне фактически общепризнанным законом экологии, предлагающим общее онтологическое видение мира. Идеи междисциплинарности, комплексности послужили основой нового познавательного подхода. Наконец, в деятельностном аспекте ориентации на соревновательность и сотрудничество, взаимопомощь стали рассматриваться в наши дни как две разнозначные ведущие реальные силы эволюции, проявляющие себя в непрерывно идущем процессе развития.

Очевидна связь всех названных ориентаций с трансформацией отношений человека к природе, к другому человеку, к самому себе. Новая формирующаяся установка — это установка единства челове-

ка и природы. Ее особенности – признание не только целостности природных экосистем, но и их самоценности, призыв к осознанности вторжения человека в природу, поиск динамического равновесия между деятельностью человека и возможностями природных экосистем.

Все эти новые складывающиеся ныне нормы, идеалы и регулятивы деятельности нуждаются в своем нравственно-этическом и нормативно-правовом закреплении. Сейчас требуется создание взаимосогласованных этических, правовых и экономических регламентаций, отражающих закономерности коэволюционного развития системы «человек – общество – природа». Необходима подготовка и издание различных человекоохранных, природоохранных, природоэксплуатационных и прочих сводов правил, кодексов, кадастров, регламентаций, создаваемых с учетом тех экологических императивов культуры, о которых говорилось выше. Именно такой широкий этико-экономико-правовой подход, как представляется, даст возможность превратить экологические императивы из неких важнейших интенций и тенденций в зримые реалии нашего времени.

Один из пионеров создания экологической этики Олдо Леопольд еще в середине XX в. мудро отметил, что этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения. Этика в экологическом смысле – ограничение свободы действий в борьбе за существование, в конечном итоге способствующее выживанию человечества. И то, и другое – лишь два определения одного явления.

Первоначально этика занималась отношениями между индивидами. Затем – взаимозависимостями индивида и общества. Этики, регулирующей отношения человека с землей, животными, Природой в целом пока еще нет. Но без ее создания и усвоения осознание глобальности мира вряд ли будет достигнуто. С одной стороны, справедливо отмечает Родерик Нэш, формирующаяся экологическая этика «расширила традиционную либеральную философию за ее обычные концептуальные пределы. Сфера морального внимания стала настолько большой, что поставила под сомнение моральную ценность ее прежних индивидуальных компонентов. Но, с другой стороны, экологическая этика создала совершенно новые определения того, что свобода и справедливость означали на планете. Она признала нераздельность индивидуального блага (или свободы) с экологической средой, в которой должен существовать отдельный организм»¹⁵.

Таким образом, представляется, что все изложенные выше факты и аргументы свидетельствуют о том, что для современного осознания глобальности мира обязательным компонентом ориентации

мышления должен стать компонент его экологической направленности. Факт целостного взаимодополнительного взаимодействия объекта и среды его обитания реализуется универсально, безотносительно к какому бы то ни было субстрату, характеризующему объект и окружающую его среду, что и получает свое отражение в новой направленности сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см.: *Касавин И.Т.* Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философские науки. 2008. Т. XVIII. № 4. – С. 5 – 15.

² *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. – М., 1988. – С. 430.

³ Там же. – С. 192.

⁴ Там же. – С. 193.

⁵ Там же. – С. 32.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 187.

⁸ Там же. – С. 212.

⁹ См.: *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 32 – 33.

¹⁰ См.: *Naisbitt J.* Megatrends. Ten new directions transforming our lives. – N. Y., 1982.

¹¹ См.: *Тоффлер Э.* Третья волна. – М., 2002.

¹² *Moscovici S.* La société contra nature. – Paris, 1972. – P. 401.

¹³ Об истории становления основных направлений экологической этики см.: Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. Философия отношений с природной средой. – М., 1994; *Нэш Р.* Права природы. История экологической этики. – Киев, 2001; *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология; *Мантатов В.В.* Экологическая этика и устойчивое развитие. – Улан-Удэ, 2000; *Борейко В.Е.* Прорыв в экологическую этику. – Киев, 1999.

¹⁴ См.: *Стетин В.С.* Высокие технологии и проблема ценностей // Высокие технологии и современная цивилизация. – М., 1999. – С. 6.

¹⁵ *Нэш Р.* Права природы. История экологической этики. – Киев, 2001. – С. 128.

Аннотация

Окружающая человека среда не является лишь фоном человеческого существования, ресурсной кладовой человечества. Система «человек – окружающая среда» представляет собой целостное, сопряженное образование, где оба составляющих элемента этой системы взаимозависимы, коэволюционно взаимосвязаны, едины. Это свидетельствует о том, что экологическая ориентация мышления является важнейшим фактором в понимании глобальной организованности мира.

Ключевые слова: экологическое мышление, окружающая среда, постиндустриальная цивилизация, сопряженность природных и социальных процессов, ненасилие, экологические императивы культуры.

Summary

Environment is not just a background of human existence, the resource treasure of mankind. System «man – environment» is a holistic, inherently education, where both components are interdependent, coevolution are interrelated, they are one. This suggests that the environmental orientation of thinking is the most important factor in understanding the global organization of the world.

Keywords: ecological thinking, environment, the post-industrial civilization, conjugation of natural and social processes, non-violence, environmental imperatives of culture.